

Анна Казакова

Maria Mendel, ed. Miasto jak wspólny pokój: Gdańskie *modi co-vivendi*. Gdańsk, Poland: Gdańskie Towarzystwo Naukowe; Instytut Kultury Miejskiej, 2015. 468 pp. ISBN 978-83-60693-16-2.

Анна Казакова, кафедра философии и культурологии, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского. Адрес для переписки: КГУ им. К. Э. Циолковского, ул. Степана Разина, 26, Калуга, 248023, Россия. kazakovaay@tksu.ru.

На фоне урбанистического бума последних лет заметно внимание к культурно и географически обособленным территориям, развитие которых определяет сплав глобального и локального (Трубина 2011). Частая тема – город как текст (Анисимов 2014; Бурцева 2017; Гаврилина 2011, 2018; Галимова 2012), который «читают» по принципам Юрия Лотмана и Владимира Топорова. Реконструкция его отличительного облика усложняется условиями социальной напряженности и конфликтов, окрашивающих «языком вражды» дискурс лиминальных территорий – пограничных, спорных, «ничьих», отторгнутых и возвращенных в результате войн, революций, национально-освободительных движений. Польский Гданьск, которому посвящен рецензируемый сборник, даже на фоне избыточной войнами и разделами истории Польши можно рассматривать как «идеальный тип» такой территории. Многократная насильственная смена государственной принадлежности (Тевтонский орден, Пруссия, Германия, Веймарская республика, прусский Данциг и Вольный город Данциг) не могла однозначно восприниматься полиэтничным городом как общенациональная трагедия или удача, порождая множество противоречащих друг другу оценок.

Возможность социальной справедливости, добрососедства, сотрудничества людей с взаимоисключающими взглядами и интересами – ключевая проблема рецензируемой книги, подводящей итоги проекта «Общий дом Гданьск», реализованного Гданьским научным обществом совместно с Гданьским университетом, Историческим музеем и Академией художеств (2013–2015).

В качестве цели проекта, инспирированного серией семинаров Гданьского университета и Фонда польско-немецких связей с участием представителей академической среды, урбанистов-практиков и жителей Гданьска, руководителем проекта и редактором издания Марией Мендель названо «формирование нового урбанизма» (с. 12). Участники проекта, как отмечено в предисловии к сборнику, считают неизбежным конец неolibеральной идеологии общества потребления, из-за которой жизнь в городах превращается, по выражению Саскии Сассен в спутанный клубок социальных проблем, а житель – в отчужденную атомизированную единицу (с. 12). Неслучайно огромное внимание в сборнике уделяется конфликтной и негативной территориальной идентичности, которая обуславливает и разобщенность традиционных – жилищных – соседств-домохозяйств, и отчуждение горожан друг от друга. Эти явления анализируются с опорой на трак-

товку идентичности как нереализованной задачи у Барбары Скарги на перекликающиеся с концепцией новой городской маргинальности Лоика Вакана идеи Богдана Яловецкого и Марека Щепаньского о пространстве, которое игнорирует потребности субъекта и тем вызывает исключение и дезидентификацию. Так, Иоланта Соколовская (Jolanta Sokołowska) в статье «Город как потенциальное пространство культуры. Свободное время в нарративах молодых гданьчан» выводит дезидентификацию с городом и согражданами из несоответствия пространства потребностям конкретных социальных групп, что становится источником переживания резидентного статуса как насилия, несвободы, депривации, а Агнешка Бзымек (Agnieszka Bzymek), объединяя психоанализ со структурализмом Владимира Топорова, на примере вернисажа доказывает теорию «терапевтической культуры» города как набора возможностей для психологического насыщения деприваций («Психоанализ города. O modi co-vivendi»).

Путь к новому, гуманизированному, городскому образу жизни Мария Мендель видит в оживлении связей внутри локальных сообществ, в декоммерциализации жизненной среды горожан, которая должна гибко приспосабливаться к изменению их потребностей. Поэтому перед нами проект одновременно и социологический, и социальный. Это исследование, ориентированное на внедрение результатов уже в ходе реализации: «Городские *modi co-vivendi* как разбросанные в пространстве и времени взаимовыгодные способы использования преимуществ культурного разнообразия урбанизированных территорий составляли цель исследований, ориентированных на внедрение в анимацию и образование [...] в процессе создания города, на который жители имеют право и в котором свои права используют» (с. 20). Отсюда разноречивость определения целей. Мария Мендель с позиций координатора усилий двадцати самостоятельных исследователей определяет их общую задачу как рефлексию сосуществования: «Город обеспечивает высокое качество жизни, если становится пространством сотворчества жителей» (с. 2). В опубликованном научном описании результатов рецензент, профессор Веслав Тецс (Wiesław Theiss), видит популяризацию идеи *convivere per vivere* (с. 468), а председатель Гданьского научного общества Ежи Блажеёвский (Jerzy Włajejowski), оценивая проект как спонсор, – рецепты повышения качества жизни в городских сообществах (с. 467).

Участники осознанно отвергают классическую позицию отстраненной, беспристрастной регистрации фактов и примеряют роли просветителей, аниматоров, гидов, модераторов публичных дискуссий, городских активистов, перемешивая формализованный опрос с автомеморатами, провоцирующим экспериментом, включенным наблюдением за социальными практиками городских сообществ с позиций лично заинтересованного и эмоционально ангажированного члена этих сообществ. Постоянная смена угла зрения в ролевом переключении «исследователь – информант» заметна в исследовании Дороты Яворской (Dorota Jaworska) и Хеди Алиевой (Khedi Alieva) «В пути. Гданьские модели сосуществования с иммигрантами». Здесь анализ институционально-правовых условий освоения города иммигрантами и беженцами преломляется через личный опыт одной из авторов, но абстрагирование от него приводит к заключению, что нетерпимость часто вы-

текает из нечетких и многозначных конструктов социальной политики (например, «интеграция»), наслоившихся на несовпадающие априорные установки субъектов, которые повествователь обнаруживает и у себя. Осознанное вторжение в реальность как часть исследовательской методологии описывают и другие авторы, сосредоточенные на «сотворении» города жителями в ходе коммуникаций с пространством и по поводу пространства. Исторические реконструкции, которым посвящена работа Мартина Борычко (Marcin Boryczko) «Проигрывание ролей как путь в повествовании. Возрождение локальной общности на примере групп исторической реконструкции», выявляя «значения, приписываемые пространству и в историческом, и в современном контексте» (с. 101), дешифруют образ Гданьска как поля свободной культурной игры и коммуникации и содействуют открытию участниками иных форм общности помимо государственности и этничности. Стрит-арт анализируется как механизм создания приглашающих к диалогу «третьих мест» (см. работу Малгожаты Анны Карчмарчик (Małgorzata Anna Karczmarzyk) «Общность и (не)запоминание. Ревизуализация, значения и стратегии по строительству Города в пространстве Гданьска»), которые усиливают трансмедийность, мультикультурность, демократизм городской жизни (см. статью Дороты Грубба-Тьед (Dorota Grubba-Thiede) «"...Прикосновение к предчувствию". Избранные шедевры художников Гданьска-Гдыни-Сопота в открытом общественном пространстве»). Многократный перевод высокого искусства в плоскость массовой культуры и обратно уравнивает их в правах, позволяя использовать художественную акцию как заметную форму социального протеста. Изменение архитектурного облика города предстает как баланс между де- и ревалоризацией прошлого, «созвучие» которого диспозициям горожан выявляется в ходе общественных дебатов и социальных акций, – показывает Доминик Кшиминьский (Dominik Krzymiński) («Исчезающая верфь и ее защитники. Прогулки по воображаемому маршруту (не-) существующих городов»).

Принцип исследовательской интервенции, порождающий огромное, граничащее с эклектизмом разнообразие привлеченных материалов, методик, кейсов манифестации городской идентичности и каналов трансляции общих ценностей и смыслов, в сочетании с иногда отчетливо оценочной авторской позицией, концептуален. Он соответствует принятой коллективом методологии «критической истории города» (с. 21), которую редактор возводит к «критической истории семьи» американской исследовательницы Кристины Слитер. Обе версии – семейная и городская – подразумевают идентичность исследователя и исследуемого, глубокое погружение в анализ мелкого, повседневного, бытового через его соединение с большим, преломление на локальном уровне глобальных или общенациональных проблем. Поэтому в фокусе внимания многих авторов оказывается конфликтность или комплементарность семейной и городской истории, культуры, картины мира. Так, например, Павел Быковский (Paweł Bykowski) в статье «Гданьский студент – кто он? К вопросу молодежной идентичности в городском пространстве» показывает, что посредником между личной и национальной идентичностью является семья, а ее история разворачивается в нарратив через базовые для истории города символы и мифы. Их сознательно активизирует Леслав Михаловский

(Lesław Michałowski) в ходе проведения тематических коллективных прогулок по микрорайонам («Прогулки по городу в контексте оживления локальной памяти и формирования связи с местом»), за счет чего крепнут сентиментальные связи с местом, оживает социальная память, спаиваются личная, семейная, соседская, районная и городская история. Милослава Божишковская-Шевчик (Miłosława Borzyszkowska-Szewczyk) описывает Гданьск как пограничье культур еврейского меньшинства, польского и протестантско-немецкого большинства («(Ре-)конструирование гданьских жизненных стилей в автобиографических текстах авторов еврейского происхождения. Мотив ворот/дверей»). Гданьские евреи, воспринимая себя в конце XIX века как немцев-иудеев, противопоставляли себя восточно-европейским евреям как менее успешным и просвещенным. Параллельно в Европе креп антисемитизм, и Европа не воспринимала гданьских евреев как немцев. Современная еврейская общность в Гданьске имеет корни в других регионах, а потому иную топографию семейной памяти, что символизирует высокочастотный образ ворот/дверей в автомеморатах. Адаптация семей послевоенных переселенцев («Виленская семья в сообществе Гданьска. *Modi co-vivendi* послевоенного города») рассматривается Катаржиной Станкевич (Katarzyna Stankiewicz), Алицией Збержховской (Alicja Zbierzychowska) и Сильвией Быковской (Sylwia Bykowska) в ситуации конфликта: привилегии переселенцев оборачивались дискриминацией коренных жителей, дополняясь делением на «настоящих» и «ненастоящих» поляков. Резкие культурные различия между приезжими из Вильнюса, Варшавы, Люблина, Львова или Лодзи, несходство экономического, политического, военного опыта не способствовали возникновению соседских и дружеских связей, заставляя замыкаться в пределах семей и землячеств.

Центральная идея книги состоит в том, что спонтанная и плодотворная соседская самоорганизация возможна только на принципах демократизма и при наличии сильной социальной памяти, каналы которой встроены во многие элементы жизненной среды. Саму метафору общего дома, определяющую содержание проекта и книги, Мария Мендель заимствует из философии Жака Рансьера. С ее помощью философ определяет такое размещение людей в их жизненном пространстве, которое всеми ощущается и принимается как правильное и позволяющее сохранять чувство собственного достоинства. Применительно к физическому пространству редактор интерпретирует это как поиск жителями города или обитателями одного жилого помещения в каждый момент времени такого маршрута передвижений или такого вида деятельности, который позволяет не только удовлетворять собственные потребности, не мешая остальным, но и испытывать удовольствие от того, что так же ведут себя и окружающие, поскольку совокупный эффект множества этих действий приносит в конечном счете выгоду каждому. Такую ситуацию в буквальном смысле рассматривает Дорота Ранцев-Сикора (Dorota Rancew-Sikora). Статья «Общий коридор? *Modi co-vivendi* в квартирах» воссоздает ретроспективу послевоенного жилищного кризиса: подселения, выселения, сквоттинг и сделки с жильем, подобным нашим коммунальным квартирам. Задаваясь вопросом, противоречит ли образу Гданьска как общего дома выплеснувшаяся сразу после снятия административных запретов страсть к выгораживанию на лестничных клетках и в

коридорах отсеков, доступных лишь ближайшим соседям, автор заключает, что стремление к замкнутости является общечеловеческим. Зато внутри отделенного коридора ближайшие соседи готовы делиться и доверять: размещать для общего пользования и ухода диваны, картины, цветы; оставлять имущество, чтобы разгрузить жилище. Так парадоксально возвращается тот самый послевоенный коммунальный быт, от которого жители стремились избавиться, но он уже не переживается как социальная несправедливость.

Поскольку определению теперь подлежат не статусы, основанные на собственности, а отношения совместного владения, использование пространства всякий раз «проговаривается». Само пространство становится условным и подвижным, описывается авторами с помощью категорий *доброжелательности* и *достоверности* Зигмунта Баумана *не-места* Марка Оже и *третьих мест* Хоми Бхабхи *пространства потоков* Мануэля Кастельса *пространственной справедливости* и *пространственной демократии* Эдварда Соджи *права на город* Анри Лефевра и Дэвида Харви. В контексте властных иерархий (в числе идейных вдохновителей авторы неоднократно упоминают Мишеля Фуко) воспринимают свое «место» в городе и рядовые жители, используя в качестве наиболее заметных, надежных ориентиров анклавы роскоши или нищеты, которые часто исторически устойчивы, воспроизводя из века в век пространственную структуру престижа. Указанием на это Мацей Бакун (Maciej Bakun) завершает свое архивное исследование «Полиция Гданьска XIX века и самоорганизация жителей для охраны общественного порядка в форме прогулок».

«Правильной» коммуникации авторы приписывают особую, едва ли не магическую, роль; касаясь драматических событий истории, они упорно избегают прямых ответов на вопрос «чей Гданьск?»; формируют особый этикет общения в «местах памяти» с высочайшим конфликтным потенциалом: «Мы не обсуждаем политику и религию, пока не спросят туристы. Мы не обсуждаем и войну, приводим только исторические факты и их последствия» (с. 129), – описывает в статье «От паломников Данцига до современных туристов глазами гданьских гидов» стихийно сложившиеся практики профессиональной коммуникации Александра Куровская-Сусдорф (Aleksandra Kurowska-Susdorf). Автор прослеживает, как из сходства травматического опыта возникает «общность утраченного дома» (с. 315). Депортированные немцы возвращаются туристами в надежде восстановить нарушенную утратой дома идентичность и встречают сочувствие и занявших их бывшие дома вынужденных переселенцев с Востока, и уроженцев Данцига, которые сохраняли польское самосознание, но стигматизировались при социализме как подозрительные, ненадежные, онемеченные. В медиации между памятью и реалиями, бывшими и нынешними хозяевами жилищ гиды видят миссию лечения исторической травмы.

Композиционное решение книги, по-видимому, определяется оппозицией «процесс – результат». В первом разделе – «Прогулки» – анализируется процессуальная сторона идентичности. Второй раздел – «Творения» – посвящен материальным основам сосуществования: жилищу, публичным пространствам, произведениям искусства и значимым архитектурным объектам как местам памяти, из

которых строится «тело» современного, но находящегося в постоянном диалоге со своим прошлым, городского сообщества. Вместе с тем редакторский замысел, в соответствии с которым структурирован материал, не до конца понятен, поскольку указанная оппозиция не всегда выдерживается, а ввиду уже отмеченного эмпирического избытка нередко возникает ощущение утраты единой нити повествования и логики его развертывания. Издание можно охарактеризовать скорее как сборник статей, объединенных образом Гданьска, хотя редактор отнес книгу к жанру монографии.

«Потоковое состояние», в которое погружает читателя социокультурная мозаика гданьских зарисовок, обрывается неожиданно: в книге отсутствует раздел, подводящий итоги. В силу этого не выполняется заявленная цель обеспечить читателя конкретными «рецептами», позволяющими сплотить локальные сообщества, использовать эту сплоченность ради повышения качества жизни членов сообщества. Не формулируется и специфика гданьской идентичности. В разнообразии жизненных стилей горожан, материальных объектов и ландшафта угадывается ценностное ядро: игра, свобода, справедливость. Мотивы пути, входа и выхода – дверей, ворот, порта – отсылают к открытости, трансграничности, маргинальности: «Ворота и двери [...] представляют периферию, расположенную дальше всего от культурного центра, и составляют самое слабое звено границы, где однородность пространства прерывается. Разделяя и препятствуя чужому проникновению, они обеспечивают и возможность контакта» (с. 276). Фронтит детерминирует «двусмысленность, шаткость, изменчивость отношений и идентичностей» (с. 121) поморян, которые могут ощущать себя жителями как Гданьска, так и Данцига, смещая акцент в сторону «польскости» или «европейскости». Неотъемлемый атрибут пограничья – свобода, к которой апеллируют авторы через топоним «Вольный город Данциг/Гданьск». Типично ли это для любого порта, приграничного города, спорной или многонациональной земли – предстоит выяснять в перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов, Кирилл, ред. 2014. *Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве*. М.: Флинта.
- Бурцева, Жанна. 2017. «Северный текст литературы малочисленных народов Севера Якутии как исследовательская проблема». *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 12(78):13–15.
- Гаврилина, Лариса. 2011. «Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры». *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки* 6:75–83.
- Гаврилина, Лариса. 2018. «Локальные сверхтексты как форма осмысления регионального многообразия российской культуры». *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств* 2(82):43–50.
- Галимова, Елена. 2012. «Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста». *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки* 1:121–129.
- Трубина, Елена. 2011. *Город в теории*. М.: НЛО.